

Шегаев Илья Сергеевич

кандидат политических наук,
преподаватель кафедры экономики и управления
Московского института экономики, политики и права

Shegaev Ilya Sergeyeovich

PhD in Political Science,
Lecturer, Economics and Management Department,
Moscow Institute of Economics, Politics and Law

Царихин Виктор Алексеевич

кандидат политических наук,
заведующий сектором молодежной политики
ПП КПРФ

Tsarikhin Victor Alekseyevich

PhD in Political Science,
Head of the Youth Policy Sector of
the Communist Party of the Russian Federation

СТАНОВЛЕНИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА: ОРГАНИЗАЦИЯ НЕУПРАВЛЯЕМОГО ХАОСА

ESTABLISHMENT OF THE TERRORIST INTERNATIONAL: ORGANIZATION OF NON-CONTROLLED CHAOS

Аннотация:

Предметом политологического анализа выступает феномен становления и развития террористического интернационала, рассматриваемый авторами как предвестник неуправляемого хаоса трансконтинентального масштаба. В статье обозначены причины складывания феномена, историческая хронология ситуации, фрагменты потенциального прогноза, а также представлен ряд мер по противодействию проявлениям исследуемой проблемы.

Ключевые слова:

террористический интернационал, терроризм, радикализм, панисламизм, национальный и религиозный экстремизм, антитеррор.

Summary:

The subject of the political analysis is the phenomenon of formation and development of the terrorist international considered by the authors as a harbinger of unmanaged chaos of transcontinental scope. The article discusses the causes of the phenomenon, the historical chronology of the situation, some fragments of the potential forecast. The authors also suggest a number of measures focused on countering the manifestations of the problem under consideration.

Keywords:

terrorist international, terrorism, radicalism, Pan-Islamism, national and religious extremism, anti-terror.

Реагируя на инициативу создания в 1954 г. Межисламского конгресса в Мекке, президент Египта Г.А. Насер заявил: «Когда я созерцаю семьдесят миллионов мусульман в Индонезии, пятьдесят миллионов в Китае, сто миллионов в Пакистане, почти сто миллионов на Ближнем Востоке, когда я размышляю о сотнях миллионов мусульман, спящих в единое целое Верой, я все больше осознаю, какие потенциальные возможности таит в себе сотрудничество этих миллионов, сотрудничество, которое обеспечит им и их братьям по исламу неограниченную власть» [1, с. 50–51].

Реализация вышеобозначенного потенциала, имеющего явные признаки панисламизма, агрессивно воспринимающего глобализационные тренды, сдерживается на сегодняшний день не столько международными институтами и их соглашениями, переживающими, без сомнения, кризис, сколько еще пока отсутствием единой мусульманской архитектуры, фундаментом которой, выражаясь терминологией профессора С. Хантингтона, должно выступать какое-либо «стержневое государство» [2] (подобное США в контексте западной либеральной парадигмы или Китаю – в восточной цивилизации).

Обретение геополитического центра, в поисках которого пребывает мусульманское сообщество, для крупнейших акторов – угроза, препятствие на пути к мировому империализму. В связи с этим обстоятельством ориентирами во внешней политике для глобальных тьюторов являются демонтаж режимов и дестабилизация тех регионов, где эта архитектура могла бы возникнуть: в первую очередь речь идет о Ближнем Востоке – «колыбели» мусульманской культуры. Это объясняет многочисленные военные кампании, а также щедрую санацию боевиков (основной действующей силы «управляемого хаоса») Соединенными Штатами, Турцией или, например, отдельными аравийскими шейхами, создавшими «ваххабистский бренд ислама» [3].

Основной проблемой для системы мировой политики и международной безопасности, как нам кажется, является тот факт, что перспектива «кормления ручного экстремизма» критически опасна и с точки зрения временной протяженности крайне фрагментарна. Сдерживать силу, превратившуюся из объекта в субъект, контролировать ее действия, когда она уже приняла форму огосударствления, невозможно [4].

Так, «Исламское государство» (ИГ или ИГИЛ) – крупнейшее террористическое формирование, по мнению президента Института Ближнего Востока Е.Я. Сатановского, профессора А.В. Манойло и ряда других экспертов-политологов, создано рукотворно и прогрессирует буквально геометрически. С момента начала фазы активной оккупации Сирии и Ирака в 2014 г. и до сегодняшнего дня «Исламскому государству» удалось не только захватить более 1/3 территорий указанных стран и стать «самостоятельнее» за счет экспорта нефтяного ресурса по принципу интенсивного демпинга, но и, активно применяя технологии террористического рекрутинга, обратить в свои ряды тысячи адептов. Однако если ситуацию на региональном уровне еще удастся сдерживать силовым путем (посредством авиаударов, наземных операций), то в трансконтинентальном масштабе дела обстоят иначе. За два последних года официально признали себя «филиалами» и «присягнули на верность» ИГ целый ряд разрозненных до сих пор террористических формирований. Речь идет о формированиях Нигерии («Боко харам»), Узбекистана («Исламское движение Узбекистана»), Афганистана и Пакистана (некоторые боевики «Талибана», «Джангви»), РФ («Имарат Кавказ»), Филиппин («Абу Сайяф») и др. [5].

Прослеживается некоторая аналогия ИГ с «Аль-Каидой». Общими чертами сценария развития являются:

- инициирование создания извне,
- интерпретации религиозных (суннитский ислам) канонических текстов,
- цель, задачи и методы реализации намерений,
- технологии вербовки новых адептов и др.

Не случайно в этом отношении политологи [6] называют их «близнецами».

Учитывая эти факты, фрагментами потенциального прогноза, по нашему мнению, могли бы стать следующие.

Во-первых, прогрессия радикализма в ее публичной и латентной формах в связи с наличием «запроса на насилие» как у отдельных геополитических акторов, конфликтно мобилизованных групп, так и у отдельных индивидов, сочувствующих в стороне, но образующих в сумме группу риска.

Во-вторых, рост оккупированной территории. При этом речь может идти не о физическом захвате, приостановленном силовиками, а о социокультурном – процессе террористической коллаборации (рекрутинге).

В-третьих, слияние (при преодолении в первую очередь личных амбиций лидеров) «Исламского государства» с «Аль-Каидой».

Таким образом, достигнув апогея террористического интернационала, экстремисты не только будут в состоянии «перекроить» карту Ближнего Востока, обзавестись столицей, собственной валютой и паспортами. Масштабы ущерба выглядят куда более существенными.

Исходя из масштабов конфликтогенности, обозначенной выше, центр внимания должен быть сфокусирован на мерах противодействия рискам. Система контуров представляется нам в следующем виде (см. рис. 1).

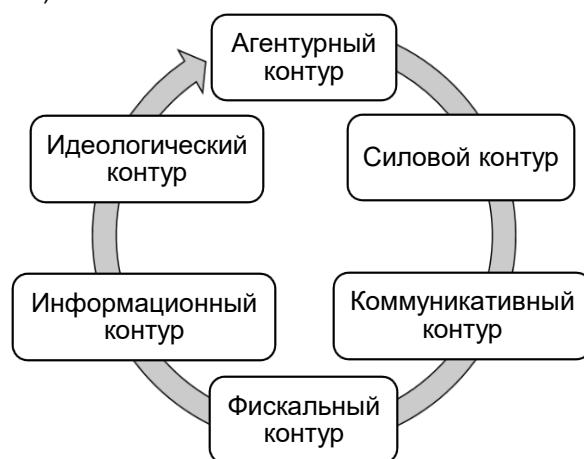


Рисунок 1 – Система мер противодействия становлению террористического интернационала

Агентурный контур. Борьба с сетевыми организациями экстремистов, ячейками-филиалами посредством оперативного и агентурного внедрения: конспиративное вхождение штатных и внештатных сотрудников силовых ведомств в террористическую группу с целью получения тщательно скрываемой информации, представляющей оперативный интерес (планы нападения и терактов, схемы поставок вооружения, платежных поступлений и др.).

Силовой контур. Осуществление противодействия путем реализации контртеррористических операций: при помощи авиаударов, с одной стороны (минимизация жертв), и наземных спецопераций – с другой (для достижения синергетического эффекта). Привлечение частных военных компаний – профессионального воинского контингента, а также оперативное развертывание военных баз в стратегически важных регионах с целью мобильной переброски войск и вооружения.

Коммуникативный контур. Подразумевается установление межправительственных связей с целью создания военных коалиций (с теми государствами, которые в первую очередь рискуют оказаться в очаге поражения). Организация взаимодействия с некоммерческими организациями, а также этноконфессиональными элитами локального и регионального уровней.

Фискальный контур. Усиление контроля за социально ориентированными некоммерческими организациями, нередко служащими легальным заслоном для экстремистов (в частности для процесса рекрутирования). Особое внимание необходимо уделить надзору за религиозными институтами всех конфессиональных принадлежностей: в подполье многих из них может оказываться различного рода пособничество террористическим формированиям.

Информационный контур. Состоит в контрпропагандистской деятельности, развенчивающей миф о романтизме экстремистского халифата, который лежит в основе эмиссаров – вербовщиков радикалов (приемы «атака любовью» и нейролингвистическое программирование [7, с. 149]). Кроме того, должен осуществляться непрерывный мониторинг пропагандистской активности экстремизма во всех СМИ, особенно в сети Интернет и его социальных мессенджерах, посредством которых аккумулируются конфликтно мобилизованные массы. В связи с тем, что глобальная сеть Интернет служит в качестве источника надежной трансконтинентальной коммуникации террористов, необходима постоянная кибератака на их ресурсы: выведение их из строя будет способствовать отрицательной динамике экстремизма.

Идеологический контур. В данном случае речь идет о привлечении к процессу борьбы авторитетных представителей конфессионального сообщества (в первую очередь теологов), способных раскрыть перед широкой общественностью ложность идеологических установок, лежащих в основе террористической мотивации, доказать неприемлемость использования религии в осуществлении политической насильственной деятельности. Акцент должен быть сделан на активизации позитивной миротворческой и социальной деятельности традиционных религий.

Противодействие становлению и развитию террористического интернационала должно лежать в основе внешне- и внутривнутриполитического курса всех государств мира, строиться на принципах системности, перманентности и приоритетности. Империалистические ориентиры должны стать пережитком средневековой эпохи, историческими уроками, поскольку, учитывая современный уровень развития технологий вооружения, «победителей и проигравших» просто может не оказаться.

Ссылки:

1. Цит. по: Соснин В.А. Психология современного терроризма. М., 2012. 160 с.
2. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2014. 571 с.
3. Сатановский: «Аль-Каида» и ИГИЛ – близнецы на службе арабских монархий [Электронный ресурс]. URL: <http://life-news.ru/news/156464> (дата обращения: 23.01.2016).
4. Шегаяев И.С. ИГИЛ и национальная безопасность России: оценка рисков и угроз [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного областного университета : электрон. журн. 2015. № 1. URL: <http://www.evestnik-mgou.ru/Articles/Doc/622> (дата обращения: 23.01.2016).
5. Там же.
6. Сатановский: «Аль-Каида» и ИГИЛ ...
7. Шегаяев И.С., Полозов А.Г. Новейший политологический глоссарий: основные категории, понятия, термины. М., 2015. 242 с.

References:

1. Cit. by: Sosnin, VA 2012, *Psychology of modern terrorism*, Moscow, 160 p.
2. Huntington, S 2014, *The Clash of Civilizations*, Moscow, 571 p.
3. *Satanovskiy: "Al-Qaeda" and LIH - twins in the service of the Arab monarchies* 2015, retrieved 23 January 2016, <<http://life-news.ru/news/156464>>.
4. Shagaev, IS 2015, 'LIH and the national security of Russia: assessment of risks and threats', *Bulletin of Moscow State Regional University*, no. 1, retrieved 23 January 2016, <<http://www.evestnik-mgou.ru/Articles/Doc/622>>.
5. Shagaev, IS 2015, 'LIH and the national security of Russia: assessment of risks and threats', *Bulletin of Moscow State Regional University*, no. 1, retrieved 23 January 2016, <<http://www.evestnik-mgou.ru/Articles/Doc/622>>.
6. *Satanovskiy: "Al-Qaeda" and LIH - twins in the service of the Arab monarchies* 2015, retrieved 23 January 2016, <<http://life-news.ru/news/156464>>.
7. Shagaev, IS & Polozov, AG 2015, *Newest Political Science Glossary: basic categories, concepts, terminology*, Moscow, 242 p.